

На правах рукописи

УСТИНОВ Сергей Геннадьевич

**ТАЙНОВЕДЕНИЕ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Специальность 24.00.01. – Теория и история культуры

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Тюмень – 2006

Работа выполнена на кафедре философии Тюменского государственного университета

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Павлов Александр Валентинович.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, доцент
Ларин Юрий Викторович

кандидат философских наук, доцент
Ересько Марина Николаевна

Ведущая организация: Омский государственный педагогический университет

Защита состоится « » декабря 2006 г. в « » часов на заседании Диссертационного совета Д 212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, Тюмень, ул. Перекопская, 15 а, ауд. № 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан « » ноября 2006 г.

*Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор философских наук,
профессор С. М. Халин*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Осмысление и анализ тайноведения, укорененность его в культуре и востребованность этого феномена социумом, представляет собой одну из важнейших проблем становления современной культуры. Думается, что очевидное обострение в наши дни внимания к разным видам тайноведения напрямую связано с кризисом классической рациональности Просвещения и пересмотром сложившейся научной картины мира.

Актуальность изучения тайноведческой субкультуры обусловлена рядом факторов:

Во-первых, формированием неосознанной потребности в тайноведческих идеях и практиках у достаточно больших групп населения, возникновением за последние годы множества сект и организаций, активизацией различных объединений оккультно-мистического характера, широкой пропагандой эзотерических идей в СМИ, бумом аналогичной печатной продукции, появлением множества различных целителей, колдунов и экстрасенсов, кризисом традиционных религиозных представлений и неосознанным поиском новых мировоззренческих идей.

Во-вторых, эзотерические идеи и основанные на них технологии широко внедряются в управление массовым сознанием как через масс-медиа, так и вплоть до конкретной управленческой практики. Сайентологи, например, создали свою оккультную систему обучения управленческих кадров, основанную на идеях создателя секты Рона Хаббарда.

В современной литературе, посвященной рассмотрению феномена эзотеризма, последний все чаще изображается как эффективный способ и средство решения жизненных проблем, или наоборот преподносится в виде всевозможных ужасов травмирующих психику особенно молодых людей.

Данное исследование нацелено на раскрытие естественных и закономерных причин появления и развития тайноведения в современной России и стремится представить его объективно, избегая необоснованных суждений и оценок.

Степень разработанности проблемы.

Проблематика тайноведения в теории и истории культуры затрагивает целый комплекс различных направлений: философских, научных, религиозных социальных, историко-культурных, психологических, и др. Поэтому изучение тайноведения оказывается достаточно многоаспектным.

Проблема тайноведческих идей и деятельности оккультно-мистических объединений, их роли и влияния в обществе в прошлом и настоящем, на протяжении веков была предметом внимания различных мыслителей, начиная с Пифагора и заканчивая современными исследователями эзотеризма. Однако тайноведение как линия в развитии культуры, альтернативная доминирующим и легитимным взглядам, институтам и формам познания с современных культурфилософских позиций, по нашему мнению, осмыслено явно недостаточно.

К исследованию феномена эзотеризма обращались ученые из различных отраслей знания: философы, этнографы, психологи, историки, теологи, физики и даже, математики. Анализ и творческому осмыслению подвергались рациональные и иррациональные способы мышления, системы знания о человеке и окружающей его вселенной. Д.Фрезер и Б.Малиновский - основатели социальной антропологии впервые с научных позиций подошли к изучению и анализу первобытных верований и магии.

Оккультные феномены в славянском язычестве, эзотерическая традиция средневековой Руси и ее влияние на культурную жизнь России были рассмотрены в трудах Е.Аничкова, А.Афанасьева, Ф.Буслаева, Д.Зеленина, С.Максимова, Б.Рыбакова, И.Сахарова и др.

Феномен тайноведения в русской культуре, с точки зрения религиозной философии, рассматривался Н.Бердяевым, С.Булгаковым, В.Зеньковским, Н.Лосским, А.Лосевым, В.Розановым, В.Соловьевым, Н.Трубецким, П.Флоренским и др.

Эзотерические мотивы явно прослеживаются в творчестве писателей и поэтов серебряного века: А.Блока, К.Бальмонта, А.Белого, В.Брюсова, М.Волошина, З.Гиппиус, М.Кузьмина, А.Минцловой. Хорошо аргументированную монографию, посвященную этой стороне их творчества, выпустил исследователь тайноведения в русской литературе начала XX-го века Н.Богомолов.

Различные разновидности эзотеризма всегда присутствовали в мировоззрении масонства и составляли основу его доктрины. Следует отметить, что эта проблематика разработана наиболее полно. Из исследований, посвященных анализу масонских орденов в России назовем работы ряда отечественных исследователей. Из досоветских трудов особое внимание заслуживают работы Б. Башилова, В.Иванова, В. Лонгинова, А.Селянинова, А.Соколовской, В.Шмакова и др. С позиций советской науки эту проблему рассматривали А. Аврех, Л.Замойский, Е. Парнов, А.Старцев, Е.Черняк, Н.Яковлев.

В конце XX начале XXI века в связи с всплеском массового интереса к эзотерическим, оккультным феноменам и их носителям появляется целый ряд новых работ, написанных в обстановке творческой свободы, с различных методологических позиций. Такими авторами, как Н.Боголюбов, Ю.Воробьевский, М.Назаров, А.Никитин, А.Острецов, О.Платонов, А.Серков, О. Соловьев и др.

Деятельность эзотериков, мистиков, и оккультистов после Октябрьской революции 1917г. таких, как А.Барченко, А.Кондиайн, Г.Мебес, Н. и Е.Рерихи, Г.Бокия и др., подверглась серьезному осмыслению и анализу в трудах современных исследователей А.Никитина, А.Первушина, О.Шишкина, Л.Юзефовича. Жизни и эзотерическим исканиям Е.П. Блаватской посвящены работы ее последовательницы, одной из основательниц Русского Теософского общества Е.Писаревой.

Современные объединения тоталитарного и оккультно-мистического характера подверг критическому разбору и анализу известный российский специалист по сектоведению А.Дворкин.

Теоретик эзотеризма XX века Рене Генон в своих исследованиях и трудах разработал один из современных видов тайноведения - эзотерический традиционализм и оказал серьезное влияние на таких современных российских эзотериков, как Е.Головин, А.Дугин, Ю.Мамлеев и др., чье мнение придется тоже принимать во внимание, чтобы избежать чрезмерной односторонности.

Среди работ, посвященных анализу феномена тайноведения, важное место занимают труды ученых в области теории культуры, где с разных точек зрения изучались эти вопросы (И.Бескова, В.Визгин, В.Розин, Г.Йонас и др.). Вопрос об истине как единстве многообразия рассматривал Ю.В.Ларин.

Ряд исследователей рассматривает эзотерическую и философскую мысль в общих рамках всемирно-исторического процесса. Среди них - современный российский индолог В.К.Шохин. Его сравнения Индии и Европы, Индии и Китая являются частью новой стратегии историко-философского исследования, призванной открыть основания единства человеческого мышления.

Активный интерес к проблеме тайноведения проявляют зарубежные авторы. Среди них: Ж.Бержье, М.Байджент, Р.Вильнев, С.Грофф, А.Дарол, М.Маромарко, Р.Лей, Л.Повелье, Б.Рассел, Т.Равенскрофт, И.Регардье, М.Серрано, Э Канселье, В.Жерсон, М.Холл, Ю.Эвола, С Ютен и др. Рассматривая различные его аспекты, характеризуя разные виды и формы, они в целом дают достаточный материал для творческого осмысления этого социокультурного феномена.

Большой резонанс вызывают литературные произведения с использованием эзотерических мотивов (Г.Гессе, Ж.-П.Сартр, У.Эко, У.Голдинг и др.) или напрямую на оккультно-мистические темы (П.Коэльо, Д.Браун и др.). В России влияние эзотерических взглядов можно заметить в творчестве Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, М.А.Булгакова, В.Пелевина и др., не говоря уж о таких авторах, как С.Лукьяненко, об экранизации его сочинений, о текстах многих музыкальных групп и т.д.

В качестве источников реконструирования тайноведческих парадигм как культурно-исторических феноменов, наряду с научной и публицистической литературой послужили сами эзотерические, оккультные, гностические и пр. тексты прошлого и настоящего.

Объектом исследования выступает современная российская культура.

Предметом исследования является тайноведческое пространство в культуре современной России и его предпосылки.

Цель исследования – определение места и роли тайноведения в современной российской культуре.

Данная цель раскрывается при решении следующих **задач**:

1) Обоснование философско-методологических подходов к познанию

тайноведения и определение данного понятия. Описание происхождения и эволюции тайноведения.

2) Вычленение основной идеи теософии Е.П.Блаватской, и анализ её влияния на тайноведческие взгляды современной России.

3) Определение основной идеи философско-литературного гностицизма К.Кастанеды как наиболее популярной сегодня формы тайноведческих взглядов Запада, влияющих на российскую культуру.

4) Выявление взаимодействия тайноведения с наукой на примере теософии Е.П.Блаватской.

5) Описание исторических и регионально-культурных предпосылок формирования и распространения тайноведения в России.

6) Характеристика воздействия тайноведческих идей на индивидуальное и массовое сознание современного социума и в целом на духовную культуру современности.

Теоретические и методологические основы исследования

Современное тайноведение рассматривается нами как проявление постмодернистского состояния культур европейского типа. Этим обусловлено наше обращение к концепциям западной постмодернистской философии, включенной в непосредственно переживаемую эпоху, и в первую очередь, к метафоре ризомы Ж.Делеза.

Представляется, что постмодернизм как состояние является интеллектуальной формой выражения в философии, искусстве, литературе, религии, науке, политике и т.д. той качественной трансформацией культуры, которую А.В.Павлов применительно к России называет «межцивилизационной эпохой». Поэтому идея межцивилизационного качества современной культуры, восходящего к ойкуменальности природы человека выступает основным методологическим принципом нашего исследования.

Тайноведение, с нашей точки зрения, способ и форма отношения человека с непознанным в его собственной природе, альтернативные науке, искусству и традиционной религии, хотя и связанные с ними. Поэтому оно априорно для любых типов человеческого разума, и беспрестанно воспроизводит субкультуру, являющуюся то потенциалом культуротворчества, то источником распада культуры. Поскольку непознанное в человеческой природе в последние десятилетия распознается как «бессознательное», то для нашего исследования имеют методологическое значение идеи создателей и теоретиков психоанализа З.Фрейда, Э.Фромма, К. Г.Юнга, и в первую очередь, идея индивидуального, коллективного и исторического бессознательного.

Анализ источников, требует того, чтобы значения и смыслы этих текстов были поняты в контексте современного эзотеризма как его предпосылки. Отсюда необходимой для данной работы становится герменевтика. Герменевтика привлекается нами и для построения самой структуры работы, поскольку *история мирового и российского тайноведения рассматривается в диссертации как основная предпосылка понимания его современного состояния в конкретном культурном регионе – в России.*

Изучение и сопоставление в контексте современности ряда традиций, сложившихся в разных цивилизациях, требует применения компаративного подхода.

Данные методологические ориентиры позволяют выявить в разных эзотерических традициях параллели и различия, которые в свою очередь помогают создать теоретическую и концептуальную модель исследуемого феномена.

Научная новизна исследования.

1. Сформулировано понятие тайноведения как тайноведческого пространства, определены его место и роль в культуре современной России.

2. Выявлены истоки и историко-культурные этапы эволюции тайноведения в России. Показана связь русского эзотеризма и его отличительные особенности в сравнении с западноевропейским его типом.

3. Установлены принципиальные отличия и сходство эзотеризма с другими формами культуры, такими, как наука, религия, мифология.

4. Реконструированы основные идеи эзотеризма на примере теософии Е.П. Блаватской и К. Кастанеды и их последователей.

5. Показана связь между массовым всплеском эзотеризма в России в конце прошлого века и вступлением современных культур в состояние постмодерна и в межцивилизационную эпоху.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Предлагается понятие тайноведческого пространства, обозначающего весь круг оппозиционных науке и рациональной философии форм и результатов познания.

2. Утверждается, что неизбежность тайноведения в любую историческую эпоху обусловлена ойкуменальной природой рационального мышления, которое с одной стороны не владеет с абсолютной полнотой ни самим собой, ни окружающим миром, а с другой стороны, стоит перед необходимостью практического преобразования неисчерпаемой реальности для продолжения человеческого и общественного существования.

3. Утверждается, что эзотеризм в целом деструктивен, так как нацелен на разрушение сложившейся системы ценностей, обеспечивающей целостность культуры и человеческого мировоззрения. Вместе с этим он выражает собою творческий потенциал мышления и способен ставить перед наукой, а особенно перед философией новые проблемы.

4. На примере теософии Е.П. Блаватской, К. Кастанеды и их последователей, утверждается, что эзотерическая картина мира характеризуется следующими признаками:

а) Мир – един, объективен и существует независимо от человеческого сознания и помимо него, и он бесконечно больше того, что рациональное сознание способно о нем знать.

б) Непосредственно за пределами и человеческого, и общественного сознания существует нечто, обладающее собственным мышлением и способное влиять на человеческую и общественную жизнь. Это «нечто» представляет собою, многообразие «сил», персонифицированных в виде

своеобразных «сверхличностей». Взаимодействие между этими сверхличностями составляет рисунок мировых законов и правил, которые человеку необходимо соблюдать для успешной жизни.

в) По воле этих сверхличностей (Е.Блаватская), или по своей воле (К.Кастанеда) человек способен «узнать» эти мировые правила либо в форме «научного» знания (Е.Блаватская), либо в форме самонастройки своего сознания и бессознательного (К.Кастанеда).

г) Существуют люди, обладающие таким сверхзнанием и способные ему научить. Овладению этими «сверхзнаниями» помогает объединение учеников вокруг учителей в более или менее организованные союзы, в которых воспроизводится собственная субкультура со своей системой ценностей, крайне оппозиционной культуре и общественной системе ценностей.

5. Учения, возникающие на базе таких ценностей, либо категорически отрицают любое развитое монистическое мировоззрение в научном или в религиозном его виде, либо переосмысливают монизм и интерпретируют его под раннегностическим, а то и «де-монистическим» углом зрения. Причем плюрализм эзотерических концепций не является плюрализмом естественного диалога и диалога разных взглядов или культур, идущего в условиях многообразной современности. Напротив, это – плюрализм, возникающий при разрушении исторически сложившегося монизма. Сегодня этот плюрализм образуется вследствие распада классической рациональности Просвещения и перехода культуры в состояние постмодерна. В России он обусловлен распадом советского типа рациональности.

6. Современный эзотеризм неправомерно разыскивает свои истоки в раннеисторических, первобытных языческих и мифологических взглядах человечества. Он интерпретирует первобытное язычество под углом зрения господствующих в современности типов рациональности (под углом науки – Е.Блаватская, под углом философии бессознательного – К.Кастанеда). Поэтому эзотеризм является «миметической субкультурой». Осуществляя такую интерпретацию, современный эзотеризм «досоздает» недостающие ему элементы мировоззрения и является не столько наследием прошлого, сколько творчеством новых форм язычества, характерных для современности, и может быть идентифицирован как «неоязычество».

Практическая значимость работы.

Материалы настоящей работы могут быть использованы при разработке курсов лекций по культурологии, религиоведению, философии, социологии, а также психологии религии.

Выводы и положения диссертационного исследования могут быть учтены при написании научных трудов по анализу идеологии и практики, различных оккультно-мистических объединений, а также истории и теории культуры.

Апробация исследования.

Основные положения диссертации обсуждались на заседании кафедры философии ТюмГУ. Результаты исследования нашли отражение в лекцион-

ной и практической деятельности соискателя в Тюменском государственном нефтегазовом университете. Некоторые из положений диссертации были опубликованы в виде тезисов и статей в различных печатных изданиях.

Структура диссертации:

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, который включает 201 наименование. Общий объем диссертации 185 страниц.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается выбор и актуальность темы исследования, анализируется степень ее разработанности, формулируются цели, задачи диссертации, излагаются методологические основы исследования, научная новизна, указаны теоретическая и практическая значимость результатов и их апробация; формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Происхождение, современное состояние и признаки тайноведческих концепций» рассматривается происхождение тайноведения, как многомерного феномена духовной культуры, многочисленные его дефиниции, иррациональные источники и составляющие «тайных наук», такие, например, как древний герметизм, гностицизм, оккультизм, магия, алхимия, астрология и т.д. Анализируется содержательная сторона социокультурного феномена тайноведения, его место и роль в ряду других культурных образований, таких как наука и религия, проводится их сравнительная функциональная характеристика. Определяются основные методологические подходы, служащие инструментом создания концепции становления и развития тайноведения применительно к духовной культуре и истории России.

В параграфе первом «Тайноведение: его понятие, виды, происхождение и эволюция», раскрыты основные подходы при решении проблемы его возникновения. Термин «тайноведение» выбран нами из-за того, что на сегодня в науке нет достаточно легитимированного понятия, обозначающего всю совокупность подобного рода взглядов, учений, организаций, традиций, обрядов и т.д. Наиболее близкий к нему по значению термин «эзотеризм» не вполне соответствует нашим целям из-за того, что, наряду со всей тайноведческой субкультурой, он обозначает и относительно узкую ее разновидность, и не вполне применим для указания на колдовские практики, астрологию или целительство. Эзотерическими знаниями обычно называют те знания, которые доступны только узкому, кругу людей, и скрываются от остальных, не принадлежащих к этому кругу. Из-за неоднозначности термина «эзотеризм» в науке нередко складывается двусмысленная ситуация, которой и нам не всегда удастся избежать. Так, рассматривая эзотерическую составляющую не вполне эзотерических культурных явлений, нам, порою, приходится использовать понятие эзотеризма как синоним тайноведения в целом.

Наиболее емкое и содержательное из известных нам определений эзотеризма (хотя и не лишенное некоторых внутренних противоречий) принадлежит Л. Геллеру, утверждающему, что эзотеризм представляет собою слабующую всех мировых культур. Он является полученным в откровении и

предназначенным для посвященных знанием о Боге, мире и человеке. В кругу нашей культуры к области эзотерического относятся герметизм, оккультизм и часть гностического наследия. В реальной культуре все тайноведческие знания настолько переплетены и так проникают друг в друга, что являются скорее не столько ясно оформленными течениями, традициями или школами, сколько *различными тенденциями и ориентирами общего оппозиционного рациональному познанию «тайноведческого пространства»*.

В настоящее время очевидно еще большее размывание понятия эзотеризма в современном сознании и отсутствие его четкой концептуализации. Согласно новейшим представлениям, выдаваемым за традиционные, тайноведение включает в себя также такие разноплановые явления, как астрология и алхимия, теософия и теургия, каббалистика и неоплатонизм. В данном исследовании дается исторически сложившееся определение данных эзотерических явлений и проводится их сравнительная содержательная характеристика. Автор, исходя из современных социокультурных реалий, дает свое определение *тайноведения как культурно-исторического феномена познания, апеллирующего к мистическому опыту переживания ойкуменальной ограниченности существования индивида, общества и культуры и обусловленного таким познанием тайноведческого пространства в составе социальной культуры*.

Как совокупность же слаборазвитых институтов, оно связано с деятельностью оккультно-мистических и других закрытых объединений или групп. При передаче же тайноведческих знаний упор делается либо на непосредственное обучение индивида индивидом, либо на организацию групповых «обучающих практик» и не предполагает передачу теоретических представлений. Вместо теоретических знаний, на передний план выходит мистическое озарение, инсайт и обусловленное им личное проникновение обучающегося в знание без формирования коллективного теоретического опыта, требующего, как известно, строгих формулировок, методологии, верификации и повторяемости эксперимента. Думается, именно по этой причине, из-за предпочтительности инсайта и чрезвычайного многообразия индивидуальных мистических опытов тайноведение и существует в виде рыхлого пространства, где разные точки зрения не согласуются друг с другом и могут быть сведены воедино только на уровне парадигм.

Мы не претендуем на строгую классификацию характеристик тайноведческого пространства, в таком сложном предмете чрезвычайно трудно выделить основание классификации и любое предложенное основание будет сомнительным. Однако нетрудно показать, что тайноведческое движение, хотя и не обязательно является религией в строгом смысле слова, но имеет явно выраженный религиозный либо мифологический характер. Некоторые из таких движений, например бахаизм, или современный кришнаизм со временем конституировали себя как религии. Поэтому, если воспользоваться аналогией с уже более-менее устоявшимися характеристиками религии, то, к числу наиболее весомых признаков, позволяющих определить тайноведение, на наш взгляд, относятся следующие:

Во-первых, это само *знание*, не вписывающееся в уже установленные парадигмы, полученное непосредственным путем и выступающее продуктом мистического переживания. Такое знание указывает на объект переживания, содержит информацию о способах переживания и о его результатах, под которыми подразумевается личное приближение участника движения к объекту путем его внутреннего самоизменения.

Во-вторых, *организации*, образующиеся вокруг тайного знания, но предусматривающие достижение вполне явных целей. Цели могут быть и возвышенными с точки зрения руководства и членов организации, и вполне корыстными. Нередко современный эзотеризм, как он сформировался исторически в западной традиции, оказывается инструментом для тех, кто стремится обладать властью, т. е. для особой части политической элиты.

Сюда же можно отнести институты ученичества, определяющие способы и направления труда по овладению тайноведческим знанием. В процессе трансляции данного опыта и традиций важную роль играют особые виды деятельности: медитация, обряды инициации, молитва и т.д.

В третьих, это - *участники движений*, имеющие духовную потребность в тайном знании.

В четвертых, это *символические системы*, в частности, *тексты*, имеющие для участников движения сакральный характер.

В пятых, наконец, это – *основатели и лидеры движений*, которые могут быть как реальными людьми (Хаббард, Кроули, Бхактиведанта Свами Прабхупада, Баб и Баха Улла, Блаватская и др.), так и символическими фигурами (Гермес Трисмегист, Пифагор и др.). При этом не исключается, что реальный руководитель такого движения, не зависимо от его личных мотивов, может превратиться в символическую фигуру.

Наконец, из-за стремления современного эзотеризма найти пути соприкосновения с наукой и религией, особенно следует обозначить существенное его различие с данными формами познания. В отличие от естественной науки, тайноведение опирается не на очевидность предмета и его данность в органах чувств, а на внутренний опыт. В отличие от философии и гуманитарных наук, также имеющих дело с внутренним опытом, опыт тайноведения является исключительно личным или узко групповым и выходит за пределы сложившегося контекста гуманитарного познания и гуманитарной картины мира. И наконец, в отличие от религии, тайноведческий опыт, хотя и является порождением религиозного чувства, но не создает ни народной, ни иной крупной общественной культуры и, таким образом, находится в стороне от религиозной традиции. Исключением, вероятно, является первобытно-мифологическая эпоха и начальные стадии в формировании религий, когда личный мистический опыт основателей и первых подвижников играет доминирующую роль.

В современной научной литературе представлены, как минимум три версии о происхождении тайноведения. В соответствии с первой версией принято считать, что его родиной был Древний Египет, а носителями ранних эзотерических знаний выступали древнеегипетские жрецы. От них эти зна-

ния и попали в Европу. Вторая версия говорит о происхождении тайноведения от древнееврейской Каббалы, учения в соответствии с которым Тора содержит скрытый смысл, в ее притчах зашифрована тайная информация, а каждый знак Торы имеет свое особое значение. Согласно третьей версии выдвинутой Е. Блаватской основы тайного знания были даны Великими Посвященными в тайной высокогорной духовной стране Шамбале находящейся в Тибете и записаны на золотых пластинах Дзиан. По крайней мере, первые две версии имеют право на существование, хотя, скорее всего, наряду с этими источниками есть и другие.

По какой же причине тайноведение, подвергаясь жестким преследованиям со стороны и церкви, и науки, тем не менее, регулярно воссоздается в массовом сознании и даже само проникает в научное и религиозное мировоззрение, а то и оказывает влияние на власть?

По нашему мнению, эти причины заключаются в априорной религиозности человеческого разума. Эту религиозность мы трактуем не как врожденное для человека знание о Божественном, а как чувство неизбежной рациональной недопознанности разумом самого себя и мира, как чувство таинственности и привлекательности тайны, выраженной в удивлении. А отсюда, как представляется, оказываются необходимыми и непрерывное рациональное формотворчество, и непрестанное погружение разума в иррационализм и мистический опыт.

Такая неосознанная религиозность выступает психологическим проявлением ойкуменальной природы человека и в дальнейшем может конституироваться в строгих формах научного и философского рационализма или в форме развитого религиозного культа, или в форме мифотворчества, или в форме искусства, или же остаться на уровне мистического переживания. Но она же способна остаться в виде множества разнородных и несвязанных между собою групповых субкультур. Эта «слабо конституированная» или вообще не конституированная религиозность, выражающаяся в простом ощущении некоей неопределенной тайны бытия и в сопричастности человека с этой тайной, это «рыхлое пространство смутных идей» и представляет собою духовное основание тайноведения.

Тайноведение в истории европейской культуры всегда выступало как двойственное явление. С одной стороны, его отчетливо различимый индивидуализм и анархизм, его обусловленность ойкуменальным характером природы индивида влияло на культуру деструктурирующее, этим мешая ей закоренеть в неизменных нормах и правилах цивилизации. Проникая в хозяйственную или политическую жизнь, принимая форму религиозных объединений, оно формировало тенденции, оппозиционные тем, что уже устоялись в обществе, и вызывало враждебную реакцию. С другой же стороны, оно демонстрировало себя и явлением плодотворным в культурном отношении, побудительным мотивом к творчеству и изменению. Трудно найти по настоящему большое явление в литературе или искусстве России, Европы или Америки, полностью свободное от влияния эзотерических мотивов, проникших в него либо уже в момент творчества, либо в последующих интерпретациях.

Достаточно вспомнить то, что сами античная философия и наука возникли первоначально как тайноведение. Таковыми были и школа Пифагора, и школа элеатов: первая в качестве подлинной, истинной реальности утверждала мир чисел, вторая - мир сущего. И на возникновение классической науки Просвещения тайноведение повлияло через опыт гностицизма, кабалистики, через алхимию и астрологию.

В параграфе втором **«Современность как контекст изучения тайноведения»**, автор делает попытку найти и выявить основные методологические подходы для постановки проблемы концептуального анализа тайноведения, отвечающие современному состоянию и видению предмета исследования.

Культура, сегодня переживающая состояние постмодерна, во второй половине XX века активно востребовала мистический опыт и попыталась разработать новый, постпросвещенческий тип рациональности сначала в форме психоанализа, потом в виде ряда популярных постмодернистских концепций и психологических теорий НЛП, трансперсональной психологии и т.д. Поэтому за основу философской концепции тайноведения в современности нами берутся такие постмодернистские методологические средства, как ризома, симулякр, становление, трансгрессия, с учетом развивающейся идеи коллективного бессознательного и архетипов К. Юнга.

В основу мы полагаем известную идею неисчерпаемости познания, идею пограничности К.Ясперса и предложенную А.В.Павловым идею ойкуменальности. Категория ризомы, на наш взгляд, вполне приложима к функциональной характеристике мировоззренческой системы язычества и некоторых современных эзотерических объединений, понятие симулякра указывает на эзотеризм как на копию без образца, трансгрессия хорошо объясняет мистическое трансперсональное состояние верующих, например, исихазм.

Постановка вопроса о современности, в контекст которой помещается изучаемый предмет, нуждается в особой рефлексии. Первым, кто в западной философии предложил такую рефлексию, был, вероятно, Ю.Хабермас, он обозначает современность, прежде всего, как индивидуализм нравов. В.Декомб обозначает современность как «день сегодняшний». Он полагает, что современную философию нельзя отождествлять ни с эпохой, ни со школой. Она совпадает с совокупным дискурсом, рассматриваемым как философский. По его мнению, современность есть рациональность во всех отношениях. Вторая половина XX в. дала рефлексии современности, представленные в учениях М.Фуко, Ж.Делеза, Ж.Бодриера, объединенные только двумя общими признаками: индивидуализмом авторской позиции и стремлением вступить в диалог с другими столь же авторскими концепциями, с целью выстроить общий контекст, обозначаемый как «современность».

В сегодняшней российской философской литературе А.В.Павлов и С.А.Патласов тоже в качестве точки отсчета пространства современности выбирают индивидуальность, акцентируя в ней стремление к осмысленности, диалог, образующийся в его течении контекст и проективность. Российская рефлексия современности не во всем совпадает с западной. Там, где западная

рефлексия акцентирует рациональность, российская в содержание рациональности включает экзистенциальность. В силу того обстоятельства, что наше исследование само ведется непосредственно в контексте российской современности, то мы и прибегаем в качестве методологического ориентира к российской трактовке.

Впрочем, обе трактовки совпадают в своем индивидуализме и стремлении к диалогу. Западное понимание современности, это, по преимуществу, диалог западных типов рациональности. Российское понимание – диалог российских типов, то есть, смыслов. Индивидуализм же, вследствие многообразия индивидуальностей и принадлежащих им смыслов превращает современность в непрерывно меняющийся, динамичный контекст, сам динамизм которого возрождает эзотерические и тайноведческие в целом значения.

Любую предметность культуры можно рассматривать, по меньшей мере, в двух измерениях. Во-первых, ретроспективно, превращая минувшие, а следовательно, завершенные и устойчивые ее формы в концепцию. А во-вторых, актуально, рассматривая ее существование в современности. В этом втором случае предмет исследований теряет и устойчивость, и завершенность, и предсказуемость, но взамен приобретает статус значимости и ценности. Проще говоря, он становится изменчивым, текучим, неопределенным, но именно он, а не ушедшие в прошлое взгляды, оказывается востребованным и непосредственно влияет на культуру, и именно в нем скрыты тайноведческие интонации.

Придание нашему исследованию двумерного характера требует, чтобы мы от ретроспективного анализа первого параграфа перешли к исследованию тайноведения в его отношении к современности. А следовательно, методология первого параграфа будет дополнена методологическим характером тех философских концепций, которые стремятся зафиксировать современность в ее изменчивости и незавершенности.

Во второй главе «Базовые парадигмы и идейный строй современного тайноведения», раскрываются парадигмальные основания наиболее сегодня влиятельных, по нашему мнению, эзотерических взглядов: «Тайной доктрины» Е.П. Блаватской и учения К.Кастанеды. Доктрина Е.П.Блаватской послужила в дальнейшем образцом для создания антропософии Р.Штайнера, «Живой Этики» Е. и Н.Рерихов, для идеологического оформления движения «Нью Эйдж» и т.д. Учение К.Кастанеды сегодня перекликается почти со всеми взглядами, опирающимися на «измененные состояния» личного сознания. Обосновывается тезис о взаимосвязи теософии Е. Блаватской с рациональными установками Просвещения и Нового времени.

В параграфе первом «Основные принципы учения Блаватской» рассматриваются основные положения теософии Е.П. Блаватской и ее последователей. Данное учение сложилось под влиянием западного понимания буддизма, индуизма, оккультизма и гностицизма. Теософия выступала как мировоззрение, стремящееся объединить различные вероисповедания через

раскрытие тождественности сокровенного смысла всех религий и создать на этой основе род «универсальной религии», не связанной какой-либо определенной догматикой. Согласно теософии, конечная цель человека - оккультное Знание и сверхъестественные способности - достигается благодаря эзотерической традиции немногочисленных «посвященных», или «мастеров», инспирирующих духовную эволюцию человека. Основатели великих религий были членами единого Братства, а помощниками их в этой задаче были Посвященные и ученики различных ступеней, отличавшиеся прозрением, философскими знаниями и высокой чистотой жизни.

Блаватская выдвинула тезис, что все религиозные учения имеют единый эзотерический корень - общий для всех слоев тайных наиболее глубоких бессознательных представлений. Она утверждала, что первоначально существовал универсальный язык мистерий, на котором были написаны все Священные Писания, начиная от Вед и заканчивая Откровением Иоанна, от Книги мертвых до Деяний апостолов. Её задача - обнаружить это сокровенное знание под грудой самых разных религиозных верований или иными словами провести деконструкцию эзотерических текстов. Деятельность адептов теософии ставила своей целью восстановление знания о скрытых силах природы (по мнению Е. Блаватской, известного в древности, но впоследствии утраченного) и основания универсальной религии через раскрытие глубинного, мистического ядра разных верований. Считается, что ее Тайная Доктрина построена именно на этих, недоступных для профанов, таинственных знаниях, тождественных в своих основных чертах для любых религий, как Запада, так и Востока: «Тайная Доктрина» является их общей сущностью.

Е. П. Блаватская в своих трудах постоянно ссылается на понятие «эзотерическая традиция», под которой, она понимает следующее:

- 1) эзотерическая традиция восходит к ранним этапам человеческой истории и проходит через неё вплоть до современности;
- 2) познание мира и человека, существовавшее в рамках эзотерической традиции, значительно превосходило достижения любого другого познания соответствующей эпохи;
- 3) во всей обозримой истории наблюдалось сильное влияние эзотерической традиции на развитие культуры.

Другой аспект понятия связан с существованием закрытой Общины высокодуховных Индивидуальностей, представляющей собой своего рода Духовный Центр планеты. Шамбала – одно из его исторических наименований. Есть веские основания предполагать тесную взаимосвязь Шамбалы со многими тайноведческими школами и учениями прошлого и настоящего.

В параграфе втором «Гностицизм и «логика» жизненного пути человека у К.Кастанеды» рассматривается творчество культового эзотерического писателя, заявившего о себе во времена взрыва молодежной контркультуры на Западе в конце 60-х годов XX в., и оказавшего значительное влияние на последующие поколения. В условиях отсутствия в его творчестве определенной философской системы К. Кастанеда, как и Ф.Ницше, достигает эф-

фекта не традиционным путем «передачи знания», оформленного теоретически, а путем провоцирования читателя на рефлексию самобытия.

Его учение представляют собой метафору самоопределения человека перед лицом бесконечного многообразия, когда рушатся все привычные формы восприятия действительности. Д.Уильямс, пользуясь психоаналитической терминологией, сформулировал общую проблемную ситуацию в западной культуре, в рамках которой оказался возможным феномен Кастанеды. Он указал на «духовный вакуум» в ней, больше не заполняемый традиционными религиозными или иными способами. Он выделил роль, сыгранную в западной культуре идеей бессознательного, переживающего этот вакуум. И он же заметил, что в современной психологической науке бессознательное представляется вмещением подавленных в себе младенческих и хаотических вожделений, и уж никак не творческих факторов, обеспечивающих возможность смысла, направления и духовного обновления.

Различие двух типов видения действительности, одно из которых обусловлено социальной культурой, а другое - личным непосредственным восприятием принципиально для понимания творчества Кастанеды, это различие лежит в основе методологического разделения им человеческого мышления на две сферы: «тональ» и «нагваль», в которых угадывается и крайний индивидуализм Ф.Ницше, и эзотеризированный облик *dasein* и *das Man* М.Хайдеггера.

Мир, согласно Кастанеде, трансцендентен по отношению к людям. Человек – единственный, кто способен по своему усмотрению определять отношение к Миру, и его сущностная свобода ставит человека в положение того, кто может находиться в стороне от мировой целостности. Окончательно выйти за пределы Мира, чтобы всецело самому определять свою жизнь, мышление, поступки до мельчайших деталей, в этом, по нашему усмотрению, заключается основная задача учения К.Кастанеды.

Полная и принципиальная трансформация собственного «Я», позволяющая человеку приблизиться к такому уровню, когда бы он смог всецело определять свою судьбу, и стал бы если не равен, то почти равен Миру, вот главный движущий мотив его мистического творчества и «пути». Трансцендентный центр смысложизненной конструкции Кастанеда метафорически называет «Орлом». Увидеть мир по-другому и изменить к нему отношение, - значит, сменить точку зрения. Следует пережить диаметрально противоположные позиции: мира органической и неорганической жизни, земного и космического миров и т.д., и, наконец, найти такой ход, какой позволит встать или вне них, или над ними, затеряться, «уйдя из-под жесткого взгляда Орла».

Необходимо для успешного прохождения «пути», руководствоваться наставлениями учителя-индейца Дона Хуана и собственным мистическим опытом. Перед неофитом ставится задача изменить «точку сборки», пройдя последовательно этапы становления «охотником», «воином» и «видящим».

Достижение психофизиологического состояния *охотника* позволяет увидеть и пережить неисчерпаемое многообразие реальности в деталях. На-

чинается процесс «духовного преображения». Стадия *воина* вынуждает «применить силу», «переместить точку сборки» и, опираясь исключительно на собственные ресурсы, сохранить «осознание», то есть, сконцентрировать свою личность, расползающуюся по многим мирам. Высшая стадия «*видящего*» делает человека свободным. Видящий, «человек знания» сам определяет все способы общения с другими людьми, не подчиняясь их влиянию, он устанавливает и способ взаимодействия с представителями нечеловеческих миров, с «союзниками», с «предметами и местами силы», с «советчиками» и т.п. Он даже сам определяет время смерти (точнее, ухода), по мере личной готовности. Он владеет всеми своими природными, социальными и духовными условиями, своей жизнью и внутренним миром. *Он видит все таким, каково оно есть*, а не только в рамках сложившихся социокультурных предписаний на основе духовных традиций, научного метода, забот обыденной жизни и т.д.

Если онтологией гиперреальности считать ее действительность, то у Карлоса Кастанеды такой онтологией выступает тождественность его внешнего и внутреннего миров, переживаемая им как нечто целостное, как путь личной жизни.

Кастанеда оказывается перед проблемой: как в таком целостном мире жить, в реальности, считая ее бесконечно недопознанной для отдельного человека? Как жить в реальности, если ты сам - такой же, как она и с нею слит? Как сохранить свой разум и свое самоотличение от мира, восстановив с ним единство? Его решение таково: открыть себя обоим мирам, стереть грань между ними, но удержать осознание, оно и есть - человек.

При всех различиях Е.Блаватской и К.Кастанеды, у них отчетливо просматриваются общие черты: они в равной степени оппозиционны по отношению к господствующему типу рациональности Просвещения как к материалистическому варианту христианского развития, поэтому и Блаватская, и Кастанеда в равной мере не христианские писатели.

Однако рациональность Просвещения попадает в кризис из-за развития и утверждения индивидуального самосознания, именно это делает возможным феномен эзотеризма наших дней. Оба рассматриваемых писателя находят способ преодоления кризиса в отказе от господствующей рациональности. Но при всем своем протестном характере, оба писателя от Просвещения не свободны, они миметичны и ему подражают, каждый – той форме рациональности, какая преобладала в его дни. Блаватская выстраивает свое учение по матрице естествознания XIX века. Кастанеда же копирует образец гуманитарной науки, прежде всего, психологии, переживающей во второй половине XX века расцвет. При этом, их мимесис подражает не реальной рациональности, а тому, как они сами ее представляют, т.е., это скорее *симулякр*.

В параграфе третьем «Связь теософской парадигмы Е.П.Блаватской с наукой XIX века анализируется теософия – как симулякр науки.

Исследуя связи теософии Е.П.Блаватской с наукой XIX в., в качестве примера мы выбрали эволюционизм и физическую картину мира, которые в

то время искали себе экспериментальное подтверждение и, по мнению Е.П.Блаватской, при их теософской интерпретации, подтверждали заодно и ее взгляды.

К концу XIX в., теоретическая физика уже достигла такого уровня развития, что могла претендовать на полное объяснение природы. Ей оставалось только экспериментально подтвердить факт существования эфира, и ее научное здание было бы достроено. Физика исходила из Ньютоновского представления о пространстве как о пустоте, заполненной атомами и эфиром. Все явления физической реальности объяснялись как движения и связи атомов, обладавших ясным набором свойств и как проявления этих свойств, либо как эфирные волны. Сами же атомы трактовались как неделимые частицы. Но уже существовали математические сомнения в ньютоновском пространстве, выраженные в неклассических теориях Лобачевского, Больяи и Римана и сомнения в эфире, в неудаче экспериментальных попыток его обнаружить. Физика выдвигала новые идеи, хотя еще и не апробировала их.

Истоки физической картины мира кроются, главным образом, в механицизме Галилея-Ньютона, задавшем образец для естественнонаучного познания и сложившемся в эпоху Возрождения, пересмотревшую картину мира Средних Веков под углом зрения натурализма. Однако возрожденческий натурализм не был уже вполне христианским, но еще не был и материалистическим. Природа в глазах Возрождения была пропитана разлитой в ней высшей духовностью, и натурализм был пантеистическим, гностическим. Для западноевропейских мыслителей Возрождения, в т.ч., и для Галилея с Ньютоном, этот пантеизм представлялся истинной сутью христианства. Более поздние времена превратили его в материализм, а Е.П.Блаватская акцентировала в нем, прежде всего, гностическую сторону. Это и дало ей в дальнейшем основания находить в науке подтверждения своих взглядов.

Что касается эволюционизма, то выскажем, может быть, излишне смелую гипотезу о том, что в своих первоначалах любой эволюционизм, предполагающий соотнесение начала, становления и завершения эволюции и соотнесение низших и высших состояний восходит к той или иной разновидности религиозного монотеизма. Противоположное монотеизму язычество, по сути, первобытно и лишено характерной для эволюционизма темпоральной структуры. В нем каждый «от века» обладает полным набором свойств, и эти свойства не меняются. Концепция Е.П.Блаватской эволюционистская, значит, она – монотеистична, и следовательно, ее автор не имел оснований для того, чтобы выводить ее из некоей домонотеистической предначальной эпохи.

Однако монотеизм может быть развитым и становящимся, в период становления он имеет промежуточный между монотеизмом и политеизмом гностический облик. Стремясь найти общие корни всех религий и наук, Е.П.Блаватская апеллирует, следовательно, к становящемуся монотеизму, т.е. к концу II - I тысячелетия до н.э. Это, конечно, очень давняя эпоха, но маловероятно, что ее можно считать «предначальной».

Забегая вперед, заметим, что, по нашему мнению, *монотеизм может быть и вырожденным* тогда, когда он по каким-то причинам распадается,

опять возвращается к своему предварительному гностическому состоянию и делает другой выбор, формируя монотеизм «с обратным знаком», то, что сегодня порою называют «неоязычеством», чьи взгляды концентрируются в анти-христианстве, анти-иудаизме и анти-исламе. Феномен сатанизма нами не рассматривался, поэтому мы не можем дать это название вырожденному монотеизму.

Концепция Е.П.Блаватской – гностический эволюционизм, синтезированный ею с возрожденческим пантеизмом. Отсюда мы делаем вывод, что, исходя из собственных мистических озарений и из личных трактовок научной картины мира XIX века, Е.П.Блаватская выстраивала свои взгляды по образцу, конечно, не самой физической картины мира, но - исторической логики ее зарождения и эволюции. И второй ее образец, это – гностический эволюционизм.

Связь между эзотеризмом Блаватской и наукой хорошо заметна, например, в эволюционистской претензии теософии на обретение человеком сверхчеловеческого статуса. На пути эволюции, по мнению Блаватской, человек со временем приобретает способности к телепатии, к путешествиям в астральных мирах и т.д., он становится сверхчеловеком.

Учение (теософии и позднее Живой Этики) - это не возврат к эзотерическому ядру всех религий, законспирированному в мудрости Древних, а порождение вестернизированного модерна, ориентированного на вкусы и потребности европейского менталитета и ведущее к вырожденному монотеизму.

В третьей главе «Роль и место тайноведения в духовной культуре России IX-XXI веков» предпринимается попытка описания исторических предпосылок современного тайноведения в России.

В параграфе первом «Зарождение и особенности тайного знания в древней и средневековой Руси» указывается, что древнерусская тайноведческая традиция с момента своего возникновения была тесно связана с восточнославянским языческим мировоззрением и с ценностями восточно-христианской церкви.

Особенностью языческого мировидения были плюрализм «сил», их децентрированность и пантеизм. Для этого типа мировидения характерна ризоматичность, в отличие от строго оформленного, и развивающегося теоцентрически монотеизма.

По мнению эзотерически настроенного В.М.Демина, первые представления, объясняющие происхождение всего сущего, были связаны на Руси с мифологией Космоса. Недостигаемая всеобъемлющая Вселенная порождала не страх и ужас, а укрепляла чувство космического родства и, следовательно, обережения и заступничества от любых враждебных и злокозненных сил. Пробуждение этих защитных функций природно-космического Универсума достигалось с помощью разного рода магических обрядов и действий. Эти социально полезные действия осуществляли жрецы-волхвы, владеющие тайными знаниями. Некоторые исследователи этого периода истории русской культуры, например Гальковский и Дугин,

считают, что часть волхвов и их потомков вынужденно мимикрировали в такой своеобразный пласт низовой народной культуры, как скоморошество.

Мировоззренческо-теологические установки новой христианской религии во многом противоречили массовым взглядам, что подвигало наиболее духовно развитых неопитов к неординарным поступкам. Они нашли выход в монашестве, скитничестве, в «духовном делании» и «духовном затворе». Об этом свидетельствует практика исихазма. Это мистическое учение о соединении с Богом, о приобщении к нетварным энергиям Его сущности, преображающим дух и плоть (последняя превращается, при этом, в некое «духовное тело»).

Именно таким способом православная церковь сохранила связь с основой христианского откровения, т.к. традиция исихазма настаивала на полной реализации сакральной христианской доктрины через личный опыт практикующего аскета. Исихазм, как тайноведческая духовная практика познания Бога, через достижение мистического акта откровения, является по существу переходом границы между дольным и горним или трансгрессивного выхода субъекта за пределы обычной психической нормы.

В параграфе втором «Тайноведение в культуре России XVIII - XX веков», рассматривается процесс проникновения организационных форм и теоретико-эзотерических идей западноевропейского масонства в культуру России в связи с ее сближением с Западной Европой. Сказалась и общая тенденция Просвещения к рациональному объяснению окружающего мира и его принудительной реконструкции.

Масонство как явление, возникшее в Англии XVII в., продолжало традиции розенкрейцеровского герметизма. Розенкрейцеры стремились с помощью позитивной науки, алхимии, астрологии, каббалы и магии изменить человеческую сущность, возвышая ее от физического бытия до божественного.

Рассматриваемый период времени, по нашему мнению, можно разделить на четыре главных этапа:

а) Первоначальный период, охватывающий время от возникновения масонства в России до начала 80-х гг. XVIII века, до его репрессии императрицей Екатериной.

б) Возрождение масонства при Павле I, его легализация и участие в реформах при Александре I, создание сети тайных обществ и подготовка к свержению царя. Провал декабрьского переворота 1825 г. и издание императором Николаем I указа о запрещении масонских лож в Российской империи.

в) Восстановление масонских лож на территории России в начале XX-го века, активизация масонских орденов – мартинистов, филалетов и розенкрейцеров. Учреждение филиала масонского ордена Великий Восток Франции и его участие в общественно-политической жизни российского общества.

г) Эволюция эзотеризма после Октябрьской революции 1917 г.

Многие вожди коммунизма, Л.Троцкий, Л.Красин, В.Богданов были ему не чужды. С подачи вождей большевистской партии (Красин) произошло оккультное погребение В.И.Ленина в мавзолей, наподобие египетских фараонов, был открыт институт переливания крови (Богданов), где ставились

окультные опыты, развивалась евгеника с целью создания нового человека и т.д. Вплоть до сталинских чисток в стране полулегально действовали различные эзотерические организации масонов, мартинистов, розенкрейцеров. Некоторые эзотерики, например Рерихи, открыто поддержали Советскую власть и принимали участие в ее проектах проникновения на Тибет, в Шамбалу, в поисках обретения ключа к тайным знаниям.

В параграфе третьем «Тайноведение как явление российской культуры в конце XX начале XXI века» отмечается, что сегодня в России началось возрождение эзотеризма в форме массового увлечения оккультными теориями и практиками Запада, духовными дисциплинами Востока, неошаманизмом и т.п.

По мнению А.В.Павлова, Россия в 80-е гг. XX в. вступила в межцивилизационную эпоху. Для целей нашего исследования эта концепция интересна тем, что она достаточно ясно характеризует состояние культуры и человеческой личности в современности. Этими состояниями являются, прежде всего, персонализация, экзистенциально переживаемая как «одинокость» и дезориентация, переживаемая как «растерянность». Дезориентация становится не просто переживанием, но бытием человека, обнаружившего свою природу находящейся на самой границе ойкумены. Именно такие экзистенциальные состояния открывают дорогу для широкого и лавинообразного распространения тайноведческих взглядов в современной России. Перед человеком обнажается «неподлинность» того, чем он раньше жил и неясность перспектив.

По данным Аналитического центра РАН, проводившего крупное исследование религиозности в России, в общественном сознании сегодня превалирует причудливый конгломерат представлений о сверхъестественном, значительное место в котором занимают элементы оккультизма, буддистско-индуистских верований и различных эзотерических доктрин.

Этому состоянию активно способствуют современные СМИ. Обладая большими возможностями для различных манипуляций с массовым сознанием, в том числе и на эзотерическом поле, в нужном для заказчика направлении, они способствуют повышению суггестивности общественного сознания. ТВ никакой не «гонимый, приносящий вести» ... ТВ активно формирует «вести» - создает фиктивную реальность», - пишет специалист по технологиям манипуляции сознанием С. Кара-Мурза.

Истории известны, пользуясь выражением Стефана Цвейга, «эпидемии мистического помешательства». Повышенный интерес социума к эзотерическому возникал и раньше. Но нынешняя ситуация имеет специфику, которая ставит ее в особое положение.

Первая особенность заключается в самих масштабах явления. Тайноведение в России, представлено сегодня практически всем спектром идей и движений, характерным для этого типа субкультуры.

Вторая особенность состоит в том, что если в прошлом мистицизм открыто, противостоял науке, то сегодня происходит своеобразное их

сращивание. За последнее десятилетие в стране возникло множество различных энергоинформационных «академий», «инновационных университетов», появилась эниология, претендующей на новую концепцию энергоинформационного обмена в Мироздании.

Третья особенность заключается в сращивании мистики с медициной. Раньше официальная медицина крайне скептически относилась к целителям, сегодня же в медицинскую практику, особенно психотерапию, активно переносятся методики, почерпнутые в религиозно-мистических системах, основанные чаще всего на медитации и гипнозе.

Четвертая особенность современного российского эотеризма состоит в том, что возникают точки контакта и с политическими структурами.

Современная эотерика создала свое собственное, на первый взгляд, научное мировоззрение – «энергоинформационное»: Мироздание в нем трактуется как огромная энергетически-информационная система, а человек – один из ее элементов. В огромном информационно-энергетическом поле происходят процессы, в первую очередь связанные с обменом энергией и информацией. Такой обмен и является главной силой эволюции человечества. Утверждается основная тенденция мирового развития – движение к Синтезу, в котором «глубинный обмен» – с другими мирами, с иными измерениями, иной материей – играет решающую роль. Современные представители эотерической мысли говорят о существовании информационно-энергетического поля культуры и роли, например, России в его формировании.

Без преувеличения можно сказать, что сегодня тайноведение становится в России элементом массовой культуры. Это обстоятельство заставляет оценивать его уже не под углом зрения конфронтации с официальной идеологией и общепризнанными положениями науки, а с точки зрения способности нанести вред физическому и психическому здоровью человека, деструктивного противостояния культуре, способности провоцировать активность экстремальных групп, одержимых идеей создания нового «сверхчеловека».

В заключении диссертации формулируются основные выводы и подводятся итоги работы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Устинов, С. Г. К вопросу об архетипах коллективной памяти и подсознании / С. Г. Устинов // Проблемы личности в условиях модернизации современного российского общества : тезисы докладов межвуз. науч. – практ. конф. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2001. 0, 2 п. л.
2. Устинов, С. Г. Некоторые элементы первобытной культуры и их проекция в современном социокультурном пространстве : (на примере парламентских 1999 г. и президентских выборов 2000 г.) / С. Г. Устинов // Духовность России: современный этап : тезисы и материалы докладов науч.– практ. конф. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. 0,2 п. л.
3. Устинов, С. Г. «Велесова Книга» как памятник праславянской письменности и духовной культуры / С. Г. Устинов, Г. А. Антропов // Язык культуры

- как интенсивный фактор формирования общественного сознания : материалы межвуз. науч. – практ. конф. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2003. 0,2 п. л.
4. Устинов, С. Г. Окультизм как историко - культурный феномен / С. Г. Устинов // Современные социальные технологии: теория и практика : материалы межвуз. науч. – практ. конф. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2004. 0,2 п. л.
5. Устинов, С. Г. Славянское жречество и христианская патристика / С. Г. Устинов // Общее в судьбах и традициях народов Сибири : материалы круглого стола 10 нояб. 2005 г. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. 0,3 п.л.
6. Устинов, С. Г. Проблема возрождения традиционных верований в современной России / С. Г. Устинов, Н. И. Пачежерцев // Общее в судьбах и традициях народов Сибири : материалы круглого стола 10 нояб. 2005 г. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. 0,5 п. л.
7. Устинов, С. Г. Эзотерическое мировоззрение и магия в культуре древней Руси / С. Г. Устинов // Диалоговое религиоведение в современной школе : проблемы статуса, образовательной стратегии и тактики : материалы регион. круглого стола (Тюмень ; 14 окт. 2005 г.) / под ред. Ересько М. Н. – Тюмень : Феликс, 2005. 0,3 п. л.
8. Устинов, С. Г. Некоторые оккультные методики изменения сознания россиян на примере деятельности «Древнерусской Инглиистической церкви православных староверов инглингов» / С. Г. Устинов // Духовная судьба России и цивилизация XXI века (Рождественские образовательные чтения) : материалы всерос. науч. – практ. конф. (Тюмень ; 6-7 февр. 2006 г.). – Тюмень : ТюмГНГУ, 2006. 0,5 п. л.
9. Устинов, С. Г. Эзотеризм в контексте современной культуры / С. Г. Устинов // Вестник Тюменского государственного университета, № 6. Тюмень : ТюмГНГУ, 2006. 0,4 п. л.